

ПАМЯТЬ АРХЕОЛОГИИ

ПАВЕЛ НИКОЛАЕВИЧ ШУЛЬЦ —
ОСНОВОПОЛОЖНИК
ИЗУЧЕНИЯ
ПОЗДНЕСКИФСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Т. Н. Высотская

В 1996 г. исполняется 95 лет со дня рождения Павла Николаевича Шульца, которого можно считать основоположником изучения позднескифской культуры.

Павел Николаевич родился в Петербурге в 1901 г. (впоследствии ошибочно дата рождения была записана 1900 годом). Там же, в 1923 г. окончил историческое отделение историко-филологического факультета Университета.

В Университете окончательно определился интерес Павла Николаевича к археологии и искусству античного мира, чему в значительной степени способствовали занятия в семинарах О. Ф. Вальдгаузера и В. Ф. Фармаковского. Параллельно с Университетом П. Н. Шульц занимался на курсах Института истории искусств. После окончания Университета — Павел Николаевич научный сотрудник отдела древностей Эрмитажа, затем аспирантуры в ГАИМК.

Защитив кандидатскую диссертацию на тему «Монументальная скульптура скифо-сарматского общества», Павел Николаевич перешел на преподавательскую работу — он доцент Ленинградского университета и одновременно преподавал в ЛИФЛИ, а позднее в Государственной Академии Искусствознания и в Научно-исследовательском институте Академии художеств, где читал общий курс по искусству Греции и Рима.

В эти же годы П. Н. Шульц вел активные полевые исследования, сначала в верховье Волги, на Северном Кавказе, затем в Ольвии.

Первые работы П. Н. Шульца в Крыму начались в 1933—1934 гг., когда он провел широкие разведочные работы в Евпаторийском районе, раскопки курганов и городища Кора-Тобе.

Успешно начатые исследования прервала Великая Отечественная война. Павел Николаевич добровольцем уходит в ополчение.

Хочется привести несколько эпизодов из тех суровых военных дней, написанные самим П. Н. Шульцем. Они звучат тем трагичнее, что тогда Павел Николаевич стал инвалидом.

© Т. Н. ВЫСОТСКАЯ, 1996

П. Н. Шульц воевал на Тихвинском фронте под Ленинградом.

«Неожиданный огонь новой группы автоматчиков отрезал меня от отряда. Я укрывался в воронку... При свете луны заметил подбирившихся автоматчиков. Один с боку метнул гранату. Разрыв. Два осколка вонзились в ногу... В течение ночи немцы три раза подбиривались ко мне... В валенке стало липко и тепло. Понял, что это кровь. Ногу жгло. Маскхалат и полушубок заледенели. Малейшее движение вызывало скрип. Сразу же начиналась стрельба по воронке... Я постепенно застывал, хотя и зарывался в снег... Наступила вторая ночь, лунная, морозная. У меня сложился план выхода из ловушки... В течение ночи два раза с трех сторон немцы начали подползать к воронке... Был с разных точек, создавал иллюзию, что в воронке несколько человек... Наступила третья решающая ночь... Страшили омертвевшие руки... Ночью вдали услышал скрип шагов пробиравшейся по кустарнику цепи... Почудилась русская речь... Затем все потонуло в огне, в треске пулеметной и автоматной стрельбы... Наши отошли... Я выполз из воронки... Подвывали и разрывались мины. В висках стучало. Ползу. Поднимаюсь. Падаю. Еще ползу...

Вперед между деревьями в лунном свете показалась движущаяся цепь балахонов. Кто?.. По лесу раздалось для меня спасительное крепкое русское слово. Пашни! Услышали... Я был среди своих. При свете огня впервые увидел, что пальцы рук совсем белые. Побелел и нос»¹. Так Павел Николаевич лишился пальцев обеих рук, поврежден был и нос.

Отгремела война и уже в августе 1945 г. Павел Николаевич, вместе с сотрудниками созданной им Тавро-Скифской экспедиции, приезжает в Крым, чтобы продолжить исследования. Экспедиция обосновалась в Симферополе, в Петровской балке. Всюду были видны следы минувшей войны. На Неаполе «чернели провалы окопов и траншей... под ногами валялись черенки скифской посуды, гильзы от патронов и остатки снарядов...»².

Деятельность Тавро-скифской экспедиции была разносторонней. П. Н. Шульца интересовали древние обитатели Крыма — тавры. Он предпринимает раскопки таврского убежища на горе Кошка, изучает могильники тавров. Но главное внимание было сосредоточено на исследовании памятников скифской культуры. Разведки в Западном и Центральном Крыму выявили десятки ранее неизвестных скифских городищ и селищ. Так густа была их цепь на северо-западном побережье, что П. Н. Шульц первоначально выдвинул даже предположение о существовании двух противостоящих друг другу оборонительных линий — скифской и греческой³.

Но самые яркие, самые значительные результаты дали раскопки Неаполя.

Тавро-скифская экспедиция в районе главных ворот открыла часть южной оборонительной стены городища с пристенными башнями, западная из которых оказалась усыпальницей скифского царя Скилура и его приближенных. К северу от центральных городских ворот были обнаружены жилые и общественные постройки, в том числе дом с подвалом, здание с портиком и др., начаты раскопки некрополя, исследовались каменные вырубные склепы, открыты памятники живописи скифов.

Материалы Тавро-скифской экспедиции со всей определенностью выявили самобытный характер скифской культуры и помогли определить значение скифов в истории племен и народностей юга Восточной Европы.

В докладе на конференции по истории Крыма в Симферополе в 1952 г. П. Н. Шульц впервые дал периодизацию скифской культуры, выделив ее поздний и позднейший периоды, которые он датировал с III в. до н. э. по IV в. н. э. С этого времени скифов послеевровейского периода стали называть поздними или позднейшими. Этот этап П. Н. Шульц рассматривал как заключительный в культурно-историческом развитии Скифии. Он неоднократно подчеркивал, что нельзя искусственно обрывать развитие скифской культуры третьим веком до нашей эры. Особенностью позднескифского периода является преобладание оседлого земледелия над скотоводством. Павел Николаевич разработал определяющие признаки этого периода:

- 1 — появление градостроительства и домостроительства;
- 2 — переход от курганных захоронений к грунтовым могильникам;
- 3 — преобладание в местной керамике лепной посуды, простой и лощеной, генетически связанной с посудой степной Скифии предшествующей поры;
- 4 — ведущая роль в искусстве антропоморфных мотивов и монументальных форм (антропоморфные стелы, надгробия и т. д.)⁵.

Результаты работ Тавро-скифской экспедиции регулярно публиковались в печати. В 1958 г. вышла в свет монография П. Н. Шульца — «Мавзолей Неаполя скифского», посвященная раскопкам уникального памятника скифской культуры — царской усыпальнице.

П. Н. Шульц считал, что мавзолей служит живым укором историкам, недооценивающим значение и уровень скифской культуры, отрицающим наличие скифского государства, ограничивающим хронологические рамки развития скифских племен III в. до н. э. и считающим скифов дикими азиатскими кочевниками. По мнению П. Н. Шульца, мавзолей продолжает и развивает принципы скифских погребальных сооружений. В мавзолее он видел достижения скифской каменной архитектуры городского типа.

В статье, помещенной в сборник «История и археология древнего и средневекового Крыма» (Киев, 1957), Павел Николаевич обобщил исследования Неаполя скифского за 6 лет. Подводя итоги раскопок, П. Н. Шульц вслед за П. Бларамбергом пришел к выводу, что «городище на юго-восточной окраине Симферополя, наиболее крупное из известных нам городищ Крыма, представляет собой остатки Неаполя — главного города позднескифского государства, воспринимавшегося греками как polis. Раскопки последних лет — писал П. Н. Шульц — подтвердили, что Неаполь является городом-крепостью».

Вопрос о местоположении Неаполя П. Н. Шульц считал решенным⁶. Вместе с тем он подвергал критике взгляды на Неаполь как город «тавро-скифский», по мнению других ученых «наполовину греческий, наполовину варварский, а скифское государство — как «греко-скифское». Нет никаких оснований — подчеркивал он — оценивать культуру Неаполя и других скифских городищ Крыма, как сарматскую. Правильность этих взглядов была подтверждена дальнейшим изучением крымских скифов.

П. Н. Шульц придавал большое значение культурному наследию скифов, тому вкладу который они внесли в формирование раннеславянских племен Восточной Европы. Эти взгляды актуальны и по сей день. П. Н. Шульц никогда не рассматривал крымских скифов изолированно от окружающих племен и народностей; он видел необходимость в целостном, всеобъемлющем изучении культуры поздних скифов.

«Скифские городища Таврического полуострова, — писал он, — должны быть сопоставлены и изучены в тесной связи с городищами поздних скифов на Нижнем Днепре, Буге и в районах, примыкающих к Буго-Днестровскому лиману. Последние нельзя исследовать изолированно, в отрыве от скифских городищ Крыма»⁷.

Им была проделана большая работа по изучению и сопоставлению вариантов позднескифской культуры в Приднепровье и Крыму и, как постановка проблемы, сделан доклад на Второй конференции по вопросам скифо-сарматской археологии в 1967 г. и опубликована статья на эту тему. Павел Николаевич пришел к выводу, что есть все основания говорить о локальном своеобразии, особенностях позднескифской культуры в двух ее главных зонах, что наиболее отчетливо отражает массовый материал⁸.

П. Н. Шульц был историком и археологом, но прежде всего он был искусствоведом. Вопросы искусства, главным образом варварского, скифского занимают в его творчестве значительное место. Его перу принадлежат глубокие, содержательные статьи о скульптурных портретах Скипура и Палака, о бронзовых статуэтках Диоскуров из Неаполя скифского. П. Н. Шульц изучал варварские статуарные рельефы и изваяния. Им подготовлен к печати свод скифских каменных изваяний, опубликован ряд статей о надгробных рельефах, включая находки последних лет. В этих работах П. Н. Шульцу удалось детально проследить процессы взаимодействия и слияния скифских, боспорских, сарматских и фракийских художественных традиций в Северном Причерноморье в период поздней античности. П. Н. Шульц воспринимал памятники искусства как важнейший исторический источник. Западное побережье Крыма он называл классическим районом для исследования взаимосвязей греков и скифов. Эти взаимоотношения он глубоко и всесторонне проанализировал на памятниках монументального искусства, придя к выводу, что традиции греческой и скифской культуры не только сменяли друг друга, но и существовали одновременно. При этом — считал он, — изваяния, которые венчали курганные насыпи над могилами знатных скифов, постепенно исчезают, открывая путь к появлению у поздних скифов статуарных рельефов.

Из всего сказанного становится очевидной широта взглядов и интересов Павла Николаевича, значение того вклада, он внес в отечественную науку.

Павел Николаевич был не только ученым, но и воспитателем нового поколения и организатором науки. Им был создан музей в Академии художеств, кабинет истории искусств, которым он заведовал много лет. В трудные послевоенные годы он создал в Симферополе Отдел античной и средневековой археологии Крымского филиала АН СССР (ныне Крымский филиал ИА НАНУ), которым руководил более 20 лет, а живя последние годы в Ленинграде интересовался его делами до конца жизни. В

1983 г. в Ленинграде П. Н. Шульц скончался. Дело им начатое продолжают его ученики и последователи.

Примечания

¹ Архив Крымского филиала ИА НАН Украины. Опись «Л». Дело № 1.— Л. 11—13.

² Шульц П. Н., Головкина В. А. Неаполь скифский // По следам древних культур.— М., 1951.— С. 150.

³ Шульц П. Н. Евпаторийский район, 1933—1934 // Археологические исследования в РСФСР 1934—1936.— М.— Л., 1941.— С. 270.

⁴ Шульц П. Н. О роли местных племен и народностей в истории древнего Крыма // Тезисы доклада на сессии по истории Крыма.— 1952.— С. 9.

⁵ Шульц П. Н. Позднескифская культура и ее варианты на Днепре и в Крыму // Проблемы скифской археологии.— М., 1971.— С. 132.

⁶ Шульц П. Н. Исследования Неаполя скифского // История и археология древнего Крыма.— К., 1957.— С. 63.

⁷ Там же.— С. 62.

⁸ Шульц П. Н. Позднескифская культура...— С. 137.

Одержано 9.03.94

ПИСЬМА Д. Я. САМОКВАСОВА А. А. БОБРИНСКОМУ ОБ АРХЕОЛОГИИ

Л. И. Шохин

В фонде графов Бобринских в Российском государственном архиве древних актов хранятся небезынтересные письма Д. Я. Самоквасова Алексею Александровичу Бобринскому (1852—1927), председателю Археологической комиссии, вице-президенту Академии художеств. Эти шесть писем, обнаруженные сотрудником РГАДА, кандидатом исторических наук В. Г. Бухертом, и подготовленные к печати также сотрудником РГАДА, кандидатом исторических наук Л. И. Шохиним, имеют отношение не только к биографии двух крупных археологов — Д. Я. Самоквасова и А. А. Бобринского, — но и к истории археологии на Украине, к проблемам археологии как науки в конце XIX в.

Дмитрий Яковлевич Самоквасов (1843—1911) после защиты диссертации «Древние города России» (изданной в виде книги в Петербурге в 1873 г.) стал профессором истории русского права в Варшавском университете, продолжал постоянно заниматься археологическими раскопками и изучать собранные материалы, как источник познания общественного устройства Древней Руси. В 1891 г. он подарил свою археологическую коллекцию Московскому историческому музею (отказавшись продать ее за большие деньги Британскому музею), был назначен сверхштатным членом Археологической комиссии, с 1892 г. — управляющий Московского архива Мини-

* Самоквасов Д. Я. Значение курганов как исторических источников.— СПб., 1878.— 31 с. (Оттиск из «Трудов» III Археологического съезда в Киеве, 1878.— Т. 1); Самоквасов Д. Я. Инструкция для научного исследования курганов (Приложение к 7-му циркуляру по Виленскому учебному округу за 1878 г.)— Вильна, 1878.— 9 с.; Самоквасов Д. Я. Антропологические и археологические материалы эпохи язычества в пределах Привислянского края // Варшавские губернские ведомости.— Варшава, 1880.— № 22.— 17 с.; Самоквасов Д. Я. Вещественные памятники древности в пределах Малороссии (Из протоколов Антропологической выставки 1879 г.) // Известия Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии.— М., 1880.— Т. 35.— С. 338—350 и др.